Пепел и Янтарь

Валентина Садыкова

Валентина Садыкова

Пепел и Янтарь

«Автор»
2026

Садыкова В.

Пепел и Янтарь / В. Садыкова — «Автор», 2026

Мир Эйриона умирает от «Белой Ржавчины» — магической чумы, превращающей металл в прах, а людей — в живые статуи. Единственное спасение — «Слезы Солнца», редкий янтарь, добываемый в глубинах Кровавых Копей, где обитают древние твари.

© Садыкова В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Валентина Садыкова
Пепел и Янтарь

Глава 1

Глава 1. Запах озона и старой крови

Дождь в Нижнем Городе никогда не пах водой. Он пах ржавчиной, угольной гарью и тем сладковато-приторным ароматом, который остается в воздухе после того, как маги Гильдии выжигают очередную зараженную улицу.

Каэлен поправил воротник промасленного плаща, пряча лицо от косых, ледяных струй. Его левая рука, закованная в грубую перчатку из вываренной кожи виверны, глухо ныла. Это был верный знак: где-то совсем рядом проснулась Ржавчина.

— Ты опоздал, охотник, — раздался хриплый голос из темноты подворотни.

Из тени шагнул человек, закутанный в лохмотья, поверх которых блестели пластины костяного доспеха. Настоящий металл в Эйрионе давно стал роскошью, доступной лишь высшим лордам, способным платить за ежедневную очистку стали. Простой люд довольствовался костью, деревом и закаленным стеклом.

— Я пришел тогда, когда зазвенели монеты в моем кошельке, Ворн, — спокойно ответил Каэлен, не убирая правую руку с рукояти обсидианового кинжала. — Ты сказал, что нашел гнездо. И сказал, что оно не тронуто Гильдией.

Ворн нервно оглянулся, его глаза, мутные от дешевого янтарного отвара, лихорадочно блеснули.

— Не тронуто. Клянусь Пеплом. Оно прямо под старой плавильней, в третьем коллекторе. Но туда нельзя спускаться без света. Там... там что-то шепчет.

Каэлен усмехнулся. Шепот в темноте — это меньшее, чего стоило бояться в коллекторах. Гораздо хуже была тишина, означавшая, что Белая Ржавчина уже сожрала все живое и теперь ждет нового носителя.

— Веди, — коротко бросил охотник. — И если это ловушка, Ворн, я оставлю тебя там. Без фонаря.

Проводник судорожно сглотнул и нырнул в узкий пролом в кирпичной стене, прикрытый прогнившими досками. Каэлен последовал за ним.

Спуск занял около десяти минут. С каждым шагом вниз воздух становился гуще, тяжелее, словно пропитанный невидимой паутиной. На стенах коллектора все чаще попадались белесые наросты, похожие на застывшую пену или иней. Если коснуться такого нароста голой кожей, через час пальцы потеряют чувствительность, а к утру рука превратится в хрупкий известняк, который рассыплется от любого удара.

Наконец Ворн остановился у массивной решетки, некогда отлитой из чугуна, но теперь напоминающей кружево из трухи. Он отступил назад, прижимаясь спиной к влажной стене.

— Дальше я не пойду, — прошептал он, дрожа всем телом. — Мою долю отдашь в таверне «Сломанный Маятник». Если вернешься.

Не дожидаясь ответа, проводник развернулся и почти бегом бросился обратно к поверхности. Каэлен даже не посмотрел ему вслед. Он привык работать один.

Охотник достал из поясной сумки небольшой стеклянный шар, внутри которого плавал крошечный осколок золотистого янтаря. Каэлен слегка встряхнул сферу, шепнув короткое

слово на древнем наречии. Осколок вспыхнул ровным, теплым светом, разгоняя сгустившийся мрак. В радиусе десяти шагов белесые наросты на стенах зашипели и начали медленно темнеть, отступая перед силой Слезы Солнца.

— Что ж, посмотрим, что тут у нас, — пробормотал Каэлен, легко выбив трухлявую решетку ударом сапога.

Зал за решеткой оказался огромным. Когда-то здесь стояли гигантские печи, но теперь от них остались лишь бесформенные груды серого пепла. А в самом центре, прямо на алтаре из черного базальта, лежал человек.

Он был жив. Его грудь тяжело вздымалась, а вокруг тела пульсировало тусклое синее сияние. Но самое страшное заключалось в том, что Белая Ржавчина окутывала его словно кокон, не причиняя вреда. Напротив — казалось, что чума питается его дыханием, а он, в свою очередь, управляет ею.

Каэлен замер, чувствуя, как по спине пробежал холодок. За десять лет охоты он видел тысячи зараженных. Но он никогда не видел, чтобы кто-то выживал в самом сердце гнезда.

Человек на алтаре медленно повернул голову. Его глаза были абсолютно белыми, без зрачков и радужки.

— Ты опоздал, охотник, — произнес незнакомец голосом, в котором звучал скрежет камней и шелест осыпающегося пепла. — Они уже идут. И на этот раз янтарь вас не спасет.

В ту же секунду свет в стеклянной сфере Каэлена мигнул и начал стремительно угасать.

Сфера в руке Каэлена погасла с тихим, жалобным звоном, словно внутри треснуло крошечное сердце. Тьма, пахнущая мокрым мелом и старым железом, мгновенно сомкнулась вокруг охотника. Лишь синее сияние вокруг алтаря вырывало из мрака искаженные тени разрушенных печей.

Каэлен не стал ждать, пока глаза привыкнут к темноте. Мышечная память, вбитая годами выживания в нижних ярусах Эйриона, сработала быстрее мысли. Левая рука в перчатке из кожи виверны рванула к поясу, нащупывая запасной источник света — магниевую трубку, а правая сжала обсидиановый клинок так, что костяшки пальцев побелели.

— Не трать огонь, — проскрипел человек на алтаре. Он начал подниматься. Движения его были неестественно плавными, но при каждом сгибе суставов с его плеч и груди осыпалась мелкая белая пыль. — Вспышка разбудит спящих в стенах. А их здесь сотни.

Каэлен замер, прислушиваясь. И вправду — за каменной кладкой коллектора послышалось едва уловимое шуршание, похожее на движение тысяч сухих листьев. Белая Ржавчина не просто разъедала материю; в больших скоплениях она обретала подобие коллективного разума, голодного и слепого.

— Кто ты такой? — тихо спросил охотник, делая полшага в сторону, чтобы выйти из-под прямого взгляда белых глаз. — Назовись, прежде чем я перережу тебе глотку. Обсидиан не боится твоей заразы.

— Обсидиан — лишь застывшая кровь земли, Каэлен из Дома Ворона, — незнакомец встал в полный рост. Он был высок, худ до изможденья, а из одежды на нем остались лишь истлевшие лохмотья некогда богатого камзола. На шее у него висел тяжелый медальон из тусклого, нетронутого ржавчиной серебра. — Она расколется, если я просто коснусь ее. А вот твоя левая рука... Она ведь уже наполовину камень, верно? Поэтому ты прячешь ее в шкуру твари.

У Каэлена перехватило дыхание. Никто в Нижнем Городе не знал ни его настоящего имени, ни того, что скрывалось под перчаткой. Пять лет назад, во время обвала в Кровавых Копях, осколок проклятого известняка вонзился ему в предплечье. С тех пор болезнь ползла вверх, миллиметр за миллиметром, и лишь дорогой янтарный порошок сдерживал ее.

— Откуда ты знаешь мое имя? — голос охотника стал ледяным.

— Потому что это я послал Ворна за тобой, — незнакомец сделал шаг вниз со ступеней алтаря. Синий свет вокруг него замерцал ярче, и Каэлен наконец разглядел его лицо. Оно было

изрезано тонкой сетью белых трещин, словно фарфор, готовый рассыпаться от неосторожного прикосновения, но в чертах угадывалось пугающее благородство. — Меня зовут Малакор. Когда-то я был Первым Архивариусом в Цитадели Света. До того, как Совет решил, что правда опаснее чумы.

— Архивариусов казнили двадцать лет назад во время Очищения, — процедил Каэлен, не опуская клинка. — Всех до единого.

— Нас бросили в Забытые Штольни, надеясь, что Ржавчина сожрет нас заживо, — в голосе Малакора впервые прорезалась живая, обжигающая горечь. — Но они ошиблись в природе проклятия. Белая Ржавчина — это не болезнь, охотник. Это голод. Мир умирает, потому что Гильдия выкачивает из него Слезы Солнца, оставляя лишь пустую оболочку. Я двадцать лет учился договариваться с этим голодом. И теперь он подчиняется мне.

Стены зала глухо загудели. Сверху, из трещин в сводчатом потолке, посыпалась известковая крошка. Где-то наверху, в лабиринтах канализации, раздались тяжелые, размеренные шаги. Звук был характерным: так стучали подкованные стеклом сапоги Инквизиции Гильдии.

— Они выследили тебя, — без всякого удивления констатировал Малакор. — Твой проводник оказался слишком болтливым, или же за тобой давно следили. Инквизиторы несут с собой очищающие жаровни. Если они сожгут это гнездо, цепная реакция обрушит весь Нижний Город. Погибнут десятки тысяч.

— Инквизиция не спускается так глубоко ради одного беглого ученого, — возразил Каэлен, лихорадочно просчитывая пути отхода. Вход был один — через выбитую решетку. Но в глубине зала, за разрушенными печами, виднелся темный зев старого рудного штрека.

— Они пришли не за мной, — Малакор посмотрел прямо на пояс охотника, туда, где висела погасшая стеклянная сфера. — Они пришли за тем, что ты украл три дня назад из каравана на Тракт-Мосту. За Сердцем Янтаря.

Каэлен замер. Три дня назад он действительно перехватил закрытый фургон без опознавательных знаков. Охрана была перебита еще до него какими-то дикарями с пустошей, а в железном сейфе, уже наполовину съеденном ржавчиной, лежал лишь небольшой мешочек с крошечными осколками янтаря — обычная добыча, на первый взгляд. Один из этих осколков он и поместил в свою сферу.

— Это обычная крошка, — нахмурился охотник. — Дешевый мусор для фонарей.

— Посмотри на свою сферу, глупец! — резко бросил Малакор.

Каэлен опустил взгляд. Стеклянный шар, который секунду назад казался мертвым, теперь слабо пульсировал изнутри багровым светом. Трещины на поверхности янтаря складывались в сложный, меняющийся узор, похожий на карту или руническую вязь. И самое странное — ноющая боль в левой руке охотника полностью исчезла. Впервые за пять лет он чувствовал тепло в кончиках омертвевших пальцев.

Грохот наверху усилился. Раздался резкий свист, и в коридор перед решеткой влетел алхимический снаряд. Яркая зеленая вспышка озарила своды, сопровождаемая шипением испаряющейся влаги. Запахло серой и жженым мясом — Инквизиция начала зачистку.

— У нас меньше минуты, — Малакор повернулся к темному провалу рудного штрека. — Если пойдешь со мной, я покажу, как остановить Ржавчину в твоей крови. Если останешься — сгоришь в алхимическом огне вместе с их тайнами.

В проеме выбитой решетки мелькнули первые силуэты в тяжелых масках с длинными клювами, набитыми фильтрами из древесного угля. В руках у них шипели медные трубки огнеметов, покрытые толстым слоем защитного воска.

— Именем Света и Порядка! — прогремел усиленный рупором голос командира отряда. — Бросить оружие! Зона подлежит немедленной стерилизации!

Струя ярко-синего пламени ударила в свод зала, мгновенно превращая белесые наросты на стенах в ядовитый черный дым. Жар обжег лицо Каэлена даже на расстоянии двадцати шагов.

Охотник бросил последний взгляд на наступающих инквизиторов, затем — на загадочного мертвеца из прошлого, который уже скрывался в темноте штрека. Выбор был очевиден.

— Надеюсь, ты знаешь дорогу, старик, — пробормотал Каэлен, срываясь с места и ныряя в спасительную темноту тоннеля вслед за Малакором.

Позади них зал взорвался ревом пламени и криками пробудившейся в стенах твари, но тяжелый обвал, вызванный взмахом руки Архивариуса, наглухо запечатал проход, отрезая их от погони и от всего привычного мира наверху.

***

Пыль, поднятая обвалом, медленно оседала в затхлом, неподвижном воздухе старого штрека. Позади, за многотонной грудой камня и искореженной кладки, все еще глухо урчало пламя Инквизиции, но с каждой минутой эти звуки становились тише, пока не растворились в глубокой, давящей тишине подземелья.

Каэлен стоял, прислонившись спиной к холодной, влажной стене, и тяжело дышал. В темноте единственным источником света оставались две вещи: тусклое синее мерцание, исходившее от тела Малакора, и пульсирующий багровый огонек стеклянной сферы на поясе охотника.

Каэлен отстегнул сферу и поднес ее к лицу. Осколок внутри, который еще час назад выглядел как мутный обломок дешевого янтаря, теперь казался каплей живой крови, застывшей в стекле. Рунические линии внутри него медленно перетекали друг в друга, словно живые черви.

— Что это? — тихо спросил охотник, не отрывая взгляда от артефакта. — И почему оно реагирует на тебя?

Малакор присел на обломок рудничной вагонетки, поросший бледным, фосфоресцирующим мхом. Его дыхание напоминало шелест сухой бумаги.

— Это не осколок, Каэлен. Это семя, — ответил Архивариус, складывая длинные, покрытые белыми трещинами пальцы на коленях. — Когда-то, еще до того, как Гильдия построила свои башни, Эйрион был живым. Слезы Солнца не добывали в шахтах — они росли на поверхности, как кристаллы, питая землю и сдерживая древний Голод, спящий в глубинах. Но люди захотели большего. Они научились выжимать из янтаря чистую магию, превращая ее в свет, тепло и оружие.

— Я знаю историю, — сухо перебил Каэлен, убирая сферу обратно в поясную сумку, но не застегивая ее. — Великий Разлом, падение Старой Империи, приход Пророков Света. Это читают в каждой приходской школе.

— В школах читают ложь, написанную победителями, — жестко усмехнулся Малакор. — Великий Разлом случился не из-за гнева богов. Гильдия попыталась вырвать из недр планеты Первородное Сердце — главный источник Слез Солнца. Они раскололи его. Осколки разлетелись по всему миру, а из раны, которую они нанесли земле, хлынула Белая Ржавчина. Это не чума, охотник. Это иммунный ответ мира, пытающегося сожрать паразитов, которые его убивают.

Каэлен нахмурился, обдумывая услышанное. Слова старика звучали как ересь, за которую в Верхнем Городе сжигали на кострах без суда. Но стоило ему посмотреть на свою левую руку, как скепсис отступал. Он осторожно стянул тяжелую перчатку из кожи виверны.

В багровом свете сферы его предплечье выглядело жутко: серая, потрескавшаяся кожа, напоминающая старую штукатурку, сквозь которую проступали белесые известковые жилы. Обычно прикосновение воздуха вызывало в этой руке жгучую, выворачивающую суставы боль. Сейчас же там разливалось приятное, ровное тепло. Более того — белые трещины на костяшках пальцев начали медленно затягиваться.

— Ты сказал, что покажешь, как остановить это, — Каэлен снова надел перчатку, скрывая уродство. — Но ты не сказал, чего хочешь взамен. В Нижнем Городе никто не помогает бесплатно. А уж тем более — призраки из прошлого.

Малакор поднялся. Его белые, лишенные зрачков глаза устремились в глубину тоннеля, уходящего вниз под крутым углом.

— Мне нужна твоя кровь, Каэлен из Дома Ворона. И твои клинки.

Охотник мгновенно напрягся, его правая рука снова легла на рукоять обсидианового кинжала.

— Моя кровь заражена. Она стоит меньше, чем грязь под сапогами.

— Твой род — последний из Хранителей Печати, — спокойно произнес Архивариус, игнорируя угрозу. — Твой прадед был тем, кто запер врата в Сердцевину Мира, когда Совет предал нас. Только потомок Дома Ворона может открыть их снова. А осколок в твоей сфере — это ключ. Случайность, говоришь, привела тебя к тому каравану? Нет, охотник. Кровь позвала кровь.

— Мой отец сдох в долговой яме, а мать умерла от лихорадки, когда мне было десять, — холодно отрезал Каэлен. — Никаких печатей. Никаких врат. Я просто человек, который пытается дожить до завтра.

— Завтра не наступит, если мы не спустимся вниз, — Малакор сделал шаг в темноту штрека. — Гильдия уже знает, что Сердце пробудилось. Инквизиторы наверху — лишь передовой отряд. Через три дня сюда придут Верховные Магистры с их гончими. Они выжгут весь Нижний Город до самого основания, но достанут этот камень. А когда они попытаются выкачать из него силу, цепная реакция разорвет Эйрион на куски.

Каэлен молчал. В глубине души он понимал, что старик не лжет. Слишком многое сходилось: и странная легкость, с которой он перехватил караван на Тракт-Мосту, и мгновенная реакция Инквизиции, которая обычно неделями согласовывает рейды в нижние ярусы. И это пугающее, живое тепло в его мертвой руке.

— Куда ведет этот тоннель? — наконец спросил охотник.

— В Забытый Город, — ответил Малакор, не оборачиваясь. — Туда, где когда-то стояла первая кузница Слез Солнца. И где до сих пор ждут те, кто не согласился умереть.

Они двинулись вперед. Штрек становился все шире, грубо вырубленные в породе стены постепенно сменялись древней, идеально подогнанной кладкой из черного камня. Воздух здесь был сухим и удивительно чистым — Белая Ржавчина сюда не проникала, словно невидимый барьер удерживал ее на границе верхних ярусов.

Спустя час пути тоннель вывел их на край гигантской подземной пропасти.

Каэлен невольно остановился, пораженный открывшимся зрелищем. Внизу, на глубине нескольких сотен футов, раскинулся целый город, высеченный прямо в толще скалы. Тысячи каменных башен, висячих мостов и террас подсвечивались мягким, золотистым сиянием гигантских кристаллов янтаря, вмурованных в свод пещеры, словно искусственные звезды.

— Добро пожаловать в Эйрион Истинный, охотник, — тихо произнес Малакор.

Но прежде чем Каэлен успел ответить, в тишине пещеры раздался резкий, пронзительный свист. Охотник инстинктивно дернулся в сторону, увлекая за собой Архивариуса. В то же мгновение тяжелый арбалетный болт с наконечником из черного стекла со звоном высек сноп искр из камня ровно в том месте, где секунду назад находилась голова Каэлена.

Из-за ближайшей колонны на краю уступа бесшумно выскользнули трое. Они были одеты в легкие доспехи из темной кожи, их лица скрывали маски с узкими прорезями для глаз, а в руках они держали короткие изогнутые клинки, тускло поблескивающие в свете подземных звезд.

— Не двигаться, наземники, — раздался звонкий, слегка насмешливый женский голос из-под центральной маски. — Одно лишнее движение, и следующий болт пройдет сквозь горло твоего ходячего мертвеца, охотник.

***

Каэлен замер, медленно поднимая руки на уровень плеч. Обсидиановый кинжал остался в ножнах, а багровая сфера на поясе продолжала отбрасывать неровные алые блики на темный базальт уступа.

— Спокойно, — тихо произнес Малакор, даже не пытаясь уклониться от направленного на него арбалета. Белые трещины на его лице мягко засветились в полумраке пещеры. — Я не наземник, Лира. Неужели за двадцать лет в темноте ты разучилась узнавать голос того, кто учил тебя читать руны?

Девушка в центре на мгновение замерла. Едва уловимое движение плеч выдало ее потрясение. Она подняла руку в кожаной перчатке, приказывая своим спутникам не стрелять, и медленно сняла маску.

Перед Каэленом предстала молодая женщина с острыми, хищными чертами лица и пепельными волосами, заплетенными в тугую косу. По ее левой щеке тянулся тонкий, зажив-ший шрам — след от ожога алхимическим огнем. В ее серых глазах смешивались недоверие и глухая, застарелая боль.

— Малакор... — выдохнула она, опуская арбалет на пару дюймов, но не убирая палец со спускового крючка. — Мы получили вести из верхних ярусов. Совет объявил, что тебя сожгли на площади Очищения. Двадцать лет назад.

— Совет любит красивые зрелища, но плохо проверяет пепел, — сухо отозвался Архи-вариус. — Опустите оружие. Инквизиция уже в штреках. Я обрушил свод, но их алхимикам понадобится не больше пары часов, чтобы расчистить завал.

Лира перевела оценивающий взгляд на Каэлена, задержавшись на его левой руке в грубой перчатке из шкуры виверны, а затем скользнула глазами к его поясу. Едва заметив багровое сияние стеклянной сферы, она резко втянула воздух.

— Откуда это у наземника? — ее голос мгновенно потерял всякую мягкость, став холод-ным, как подземная вода. — За такие игрушки в Нижнем Городе перерезают глотки без раз-говоров.

— Я нашел ее на дороге, — ровным тоном ответил Каэлен, не опуская рук. — И если вы не уберете клинки от моей шеи, скоро эта игрушка станет единственным, что останется от вашего уютного подземелья.

Один из бойцов в маске шагнул вперед, занося изогнутый клинок для удара, но Лира резким жестом остановила его.

— Довольно, Тарн. Если бы он хотел напасть, он бы сделал это, когда мы вышли из-за колонн. — Она снова посмотрела на Малакора. — Старейшины не обрадуются гостям с поверхности. Особенно тем, кто тащит за собой ищеек Гильдии.

— У Старейшин нет выбора, — ответил Архивариус, делая шаг к краю уступа, откуда вниз уходила узкая, вырубленная в скале лестница без перил. — Печать ослабла. Если мы не спустимся к Кузнице до рассвета, обвал в верхнем штреке покажется вам легким сквозняком. Веди нас, Лира.

Девушка секунду колебалась, затем кивнула своим людям и быстрым движением спря-тала маску за пояс.

— Следуйте за мной. И держитесь ближе к стене — камни здесь скользкие от конденсата. Если сорветесь вниз, кричать будет бесполезно.

Спуск в Эйрион Истинный занял около получаса. По мере того как они приближались к дну гигантской пещеры, воздух становился теплее, наполняясь запахом озона, горячего камня

и странных, пряных трав, которые росли прямо в трещинах базальта, питаясь светом искусственных янтарных звезд.

Каэлен шел следом за Лирой, внимательно изучая архитектуру подземного города. В отличие от хаотичной, нагроможденной друг на друга застройки Нижнего Города, здесь все подчинялось строгой, почти математической гармонии. Мосты из черного обсидиана перекидывались через глубокие расщелины, по дну которых струились ручьи прозрачной воды, а фасады домов были украшены сложной резьбой, изображающей переплетенные корни и солнечные диски.

— Кто все эти люди? — негромко спросил охотник, поравнявшись с Лирой на широкой каменной террасе, где уже начали появляться редкие прохожие в простых одеждах из серого льна. — Наверху считают, что ниже пятого яруса нет ничего, кроме затопленных шахт и гнили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.